
детектив - событие

Евгения Михайлова

ЖАЖДА РАСПЛАТЫ

Детектив-событие

Евгения Михайлова

Жажда расплаты

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Михайлова Е.

Жажда расплаты / Е. Михайлова — «Эксмо», 2024 — (Детектив-событие)

ISBN 978-5-04-200274-8

Даша Смирнова – невероятная красавица, в которую влюбляются все мужчины. Но она выбрала своего коллегу Влада, хотя тот женат, а она замужем. Однажды жена Влада застала любовников вместе, и начался настоящий кошмар... Сотрудники фирмы, где работают Даша и Влад, в курсе их отношений. Знают они и о том, что во Влада отчаянно и безответно влюблена начальница Даши... Буря страстей переворачивает вверх дном не только их частную жизнь, но и весь холдинг. Сами того не желая, влюбленные становятся виновниками целой серии трагедий, остановить которую может только опытный частный детектив Сергей Кольцов... В прошлом Евгения Михайлова работала журналистом и провела немало журналистских расследований, а теперь сочиняет преступления сама. Но невыдуманные жизненные истории по-прежнему служат для Евгении вдохновением, и именно на реальных событиях она основывает свои сюжеты. Каждый ее остросюжетный роман – это настоящий детектив-событие.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-200274-8

© Михайлова Е., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть первая. Причины...	7
Глава 1	7
Тот день	7
Та ночь	9
Убитое утро	13
Глава 2	20
В паутине дня	20
У Юлии	22
Крепость Тамары	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Евгения Михайлова

Жажда расплаты

Персонажи и события романа вымышленные. Любые совпадения с реальными людьми и фактами случайны.

© Михайлова Е., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Вместо предисловия

«Замечательный день сегодня. То ли чай пойти выпить, то ли повеситься».

Антон Чехов

Часть первая. Причины...

Глава 1

Тот день

Тот день влит ледяным шрифтом в мозги и сердца действующих лиц. Слова, взгляды и вздохи обожжены пламенем печи для закалки стали. Все умерли на короткий, парализующий кровь миг. И все остались живы – для попыток пройти вперед или назад: не имеет значения куда. Ради самого факта живого движения, ради возможности реанимировать мысли, ради осознанной боли. Ради мук, которые никогда не закончатся для этих троих.

Таковыми оказались эти люди: они не умели легко дышать и поняли это, прожив не так уж мало лет, пройдя по полю обильного опыта, познаний и собственных открытий в науке выживания. В тот острый и беспощадный миг одного дня они все осознали, что не способны прощать. Нет, их многие считали достаточно гуманными, даже добрыми людьми. И в благородной науке прощения они не новички. В целом и общем она им давалась легко. Но только не в тот миг. Не в тот день. Не в приступе боли тех взорвавшихся эмоций, которые будто внезапно поразил тяжкий вирус неизлечимости. Так оно, вероятно, и было, потому что они все понесли с собой в разные стороны эту заразу, эту инфекцию неверия, непощения и жажды расплаты. Неизвестно как, непонятно зачем, нелогично и почти самоубийственно каждый страстно желал другому зла – не смерти, конечно, не болезни, не безработицы, не нужды. Каждый хотел, чтобы другой, не посторонний, а именно близкий, может, самый родной человек испытал ту боль, которая терзает его самого. Любящий человек хотел видеть самые тяжкие, именно душевные муки объекта своей любви, какие терзали собственное сердце. По крайней мере так этим людям казалось.

И никто никогда даже не смог озвучить воспоминание об этом дне, не говоря о том, чтобы пошутить над тем, что произошло. А ведь такая шутка оказалась бы вполне уместной: ситуация при объективном рассмотрении была банальной и даже почти анекдотичной. Ключевое слово «почти».

Таковыми были и первые слова Валерии после долгой паузы.

– Господи, как в анекдоте, – произнесла она.

Валерия в первые минуты видела невероятно четко, в малейших деталях не только тех двоих, но и себя. Влетевшую в свою квартиру радостную дуру, которая до такой степени соскучилась по собственному распрекрасному мужу, что понеслась сюда издалека, из роскошного особняка отца, губернатора крупного города. Лера там безмятежно отдыхала с сыном-подростком и вдруг сорвалась, как бешеная, на ночь глядя, ничего толком не объяснив близким. Она так разомлела, так изнежилась от родительского внимания, дорогих даров, ухода и безделья, что вспоминала Владислава только таким, в какого влюбилась с первого взгляда, когда они оба были еще абитуриентами Академии Ильи Глазунова. У Владислава Нестерова уже был стаж работы художником в студии дизайна, Валерия Федорова выбрала для себя профессию критика искусства. Не в силу способностей, а потому что могла выбрать, чего душа пожелает. А хотелось чего-то прекрасного с выходом в свет, к известным, ярким людям. Но Валерия взглянула на Влада и поняла, что все уже нашла. Она никогда не встречала такого красивого, яркого, остроумного, непринужденного человека и настолько притягательного мужчину. Он, конечно, тоже поступил. И, если очень коротко, Влад не отказался от ее любви и связанных с ней привилегий. Этот сверкающий парень был из бедной провинциальной семьи. Отец Валерии посоветовал им пожениться до получения диплома, чтобы он мог заняться карьерой зятя. Тот факт,

что Лера не собирается работать, был уже для всех очевиден. Она хотела создать совершенную семью. Ей теперь нравилось в жизни одно занятие – любить мужа и глаз с него не сводить.

Прошло тринадцать лет, семейная жизнь оказалась совсем не похожей на сказки, которые Лера придумывала для себя. Но одно осталось неизменным: она постоянно хотела видеть Влада, безумно скучала по нему и готова была ради минутной встречи мчаться куда угодно. И если бы не папин услужливый водитель, наверное, бежала бы пешком...

Вот и приехала в три часа ночи, отпустила папиного водителя, сказав забрать ее утром в двенадцать, чтобы отправиться обратно: она обещала сыну Вите пойти с ним на футбольный матч местных команд.

И дело даже не в том, что было три часа ночи. Самым ужасным, постыдным, болезненным и унижительным обстоятельством стало для нее ярко-красное платье, обтягивающее бедра и сильно открывающее грудь. Она купила его у довольно известного дизайнера буквально за несколько часов до того, как рвануть в Москву. Дизайнер подгонял его при ней. Валерия истосковалась, измечталась. Она всегда ждала, искала тот особый взгляд Влада, которым он смотрел на то, что ему нравилось. Или на тех, кто ему нравился. Валерия без раздумий отдала бы годы жизни за этот взгляд. У Влада безумно красивые карие глаза, и они обладают удивительной способностью теплеть, разгораться, даже обжигать взглядом восхищения, желания. Но в семейных отношениях Влад оказался очень сдержанным, деликатным и чуть ли не робким. Лера жаждала его откровенного взгляда, как наркоман дозы. Но там, на отдыхе, в папином особняке, очередной бессонной ночью после пестрого и бездумного дня она вдруг подумала о том, что не может вспомнить, когда Влад так смотрел на нее. Возможно, не успевала заметить от волнения. Она всегда волновалась рядом с ним. Вот и решила примчаться при всем параде и наконец зафиксировать, поймать этот взгляд...

Можно сказать, получилось...

В холле горел свет, дверь в супружескую спальню была открыта, на столике у огромной кровати, которую Валерия выбирала не один месяц как самую главную вещь, горела маленькая изящная настольная лампа. Лера ее обожала, как живое существо. В ее нежном, теплом, интимном свете обнаженный Влад смотрел на бессильно откинувшуюся на подушки женщину. Она лишь небрежно прикрыла простыней часть своего бесстыжего, чужого, враждебного и на самом деле очень красивого тела. Так отдыхают после шквала бурной страсти. А в его бархатных глазах цвета шоколада плавилась на огне восхищения нежность и разгорался новый пожар безумства.

Наверное, Лера могла бы простоять у того порога не один час на своих окаменевших, вросших в пол ногах, если бы они продолжили. Если бы не посмотрели вдруг в сторону такой страшной помехи... Да, она успела заметить и испуг во взгляде мужа, и потрясение в больших, вдруг ставших огромными зеленоватых глазах этой твари.

– Как в анекдоте, – сумела произнести с вымученным смешком Валерия и почувствовала, как ее горло перехватило волной расплавленного металла: то была невероятная, никогда не изведенная до того момента ненависть.

Лера страстно ненавидела обоих, но... Она точно знала, что если отпустит в себе все человеческое – контроль, достоинство, ошметки каких-то условностей, то не бросится выпрапывать изменнику глаза, в которых еще не погас позорный огонь преступного желания. Нет. Она бы бросилась уродовать это проклятое женское лицо, рвать зубами ее нежное горло.

Но она по-прежнему стояла неподвижно, все мышцы парализовало. Она уже узнала женщину. Она ее видела однажды у кабинета литературного холдинга, в котором Влад был руководителем отдела иллюстраций. Валерия тогда даже сказала мужу: «У вас новая сотрудница? Хорошенькая». Влад небрежно ответил: «Да. Привез и назначил Мих-Мих. Выпускница журфака. Ты же знаешь, как он тщательно выбирает райских птичек для опеки. Но эта вроде даже писать умеет». Валерию тогда все успокоило: и небрежный тон мужа, и, главное, обозначенная

принадлежность красивой девушки высокому куратору холдинга. Михаил Михайлович Герасимов был какой-то шишкой в правительстве, неглупым и неплохим человеком, практически всесильным, с одной слабостью – он очень любил роль благодетеля и покровителя юных дарований женского пола. Даже в случаях, когда о дарованиях нет и речи. «А такую Мих-Мих точно не выпустит из виду и рук», – подумала тогда Валерия. Она уже познала горечь понимания печального факта: Владислав не скован цепями предрассудка под названием «супружеская верность». Но она свято верила в его порядочность: он ни за что не причинит ей боли унижения и брошенности. Она верила даже в то, что их особой близости не опасны ни его случайные эмоции, ни несерьезный флирт или даже короткий роман. Он сумел ей это внушить без разрушительных выяснений отношений. И почему-то в ту ночь Лере сразу стало понятно, что это исключение, гроза, буря и горе. И вот главная виновница. В любом случае она, даже если Влад ее силой затащил в их дом, в их постель. Что исключено, конечно. А почему поняла... Тот взгляд Влада. Таким он не был еще никогда.

– Закрой дверь, пожалуйста, Лера, – произнес Владислав своим мягким баритоном, в котором иногда звучали повелительные нотки, как сейчас. – Нам нужно одеться.

Она повиновалась, но с места не сдвинулась. Очень быстро они вышли, кое-как одетые. Женщина обошла Леру, схватила с вешалки синий плащ и сумку. Влад смотрел только на нее, свою любовницу, как будто был не в состоянии произнести то, что отменило бы этот ужас и позор. И он по-прежнему стоял босиком. Это придало Лере храбрости, подарило что-то похожее на надежду: он остается с ней! И она сумела сказать почти легко:

– Владик, неужели ты не проводишь девушку? На улице ночь, ветер, дождь. Ты мог бы отвезти ее домой, если у нее есть дом...

В этот момент женщина открыла дверь трясущимися руками, сказала «прощайте» и побежала по лестнице, не подумав вызвать лифт. Они были на десятом этаже.

Та ночь

Та ночь стала логичным завершением исторического дня Даши. Вечером она впервые за всю свою семейную жизнь не гасила, а затягивала дежурную ссору с мужем Петей. Им обоим уже не первый год казалось, что ссора – это не просто единственное содержание отношений. Это убийца и реаниматор их союза одновременно. Петя как заведенный выискивал поводы для подозрений, ревности, истерических претензий. Она вяло отбивалась, со временем просто уходила в другую комнату, пыталась чем-то заниматься, но он бился в запертую дверь, которую приходилось открывать, поскольку муж Даши страдал настойчивостью лишь в том, что не надо. Даша пускала его, чем возрождала совсем уж нелепые надежды. Ему мерещилось, что после скандала они обнимутся, как прежде, и радостно поплывут в любовный экстаз. Что ссора сможет разбудить ее желание. В таком порядке. Петя оказался не то чтобы тупым – поверхностным и монотонным, как дятел, посвятивший жизнь долбежке деревьев, только без естественной прелести милой птички. У Пети все происходило тяжело и натужно, в том числе понимание.

Когда Даша открывала дверь, Петя бросался к ней в порыве чувств, вызванных ужасным заблуждением: он во имя спасения собственной самооценки внушал себе ложную идею о том, что Даша, как и он, идет на ссору, чтобы разогреть их взаимную любовь, как он ее понимал. Они, конечно, что-то теряют в будничных преодолениях, связанных с постоянным погружением в проблемы, соблазны и ловушки внешнего мира. А ссоры, как мощный возбудитель, возвращают их к сути несомненной и доказанной преданности, которой не страшны привычные скандалы. Тот случай, когда милые бранятся...

Петя в любом диалоге слышал только себя, как дятел, оглохший от своего стука. Находил повод для ревности, выстраивал, как ему казалось, логичную «доказательную базу», увлекался до степени вдохновения. С позиции такого опыта умело доводил жену до крайнего раздраже-

ния, отчаяния. Фиксировал лишь внешние симптомы ее состояния и умудрялся совершенно не допускать до сознания то, что Даша говорила. А она давно уже все говорила всерьез. Что разлюбила, что за шесть лет брака не нашла в их союзе ни одной точки соприкосновения. И что вышла за него замуж по детской глупости: у нее замедленное взросление. А до сих пор пытается существовать рядом с ним, чтобы не огорчать родителей, которые сейчас далеко и не смогут ее поддержать.

Все это чистая правда. Даше было восемнадцать лет, когда в их компании выпускников одной школы появился Петр Денисов, который учился уже на третьем курсе физтеха. Он выглядел настолько взрослее всех ребят, его считали настолько просвещенным и опытным, что он и для Даши стал авторитетом, сошел за умного и, главное, за взрослого мужчину. Петя начал по-настоящему, по-взрослому ухаживать, и Даше показалось, что она тоже влюбилась. А когда пообещала, что выйдет за него замуж, тут вроде и деваться уже было некуда. Даша всегда выполняла свои обещания.

Она в один год поступила в МГУ и вышла замуж. В тот же год и наткнулась лбом на непреодолимую стену нелепости собственных решений. Она оказалась в западне без любви, доверия, без надежного и разумного спутника, который совсем перестал взрослеть, в отличие от нее. И, главное, без выхода к внешнему миру, хотя бы к такому удачному коллективу сокурсников – интересных, одаренных, разных, привлекательных, веселых... Даша даже разговаривать с кем-то боялась: вдруг Петя следит из-за угла.

На вручение дипломов к ним пришли представители разных изданий, телевидения, радио. Присматривались, задавали вопросы, приглашали. Даша получила не менее пяти интересных предложений. Но однажды к ней подошел очень солидный человек, который представился Михаилом Михайловичем Евдокимовым. Он оказался большим чиновником, сказал, что прочитал ее дипломную работу и предлагает ей самой выбрать себе работу из списка тех мест, которые считает наиболее перспективными. Так Даша оказалась в отделе культуры известного медиахолдинга. К этому времени сомнений в том, что Евдокимов относится к ней слишком хорошо, уже не было. Мелькала даже мысль отказать от его участия и этого заманчивого места. Но все уже полетело вперед, закружилось, и жизнь настолько изменилась, что некогда было даже фиксировать перемены в себе и вокруг.

И только в тот знаменитый вечер, во время ссоры с мужем, который разжигал собственные подозрения и обвинения с особым вдохновением, Даша вдруг четко поняла: да не нужно больше бежать и закрываться. Надо просто все сказать ему и себе.

И сказала именно то, что даже он не смог не услышать. Потому что это была не теория, не общие слова.

– Петя, я люблю другого человека. Мы встречаемся, понимаешь? Мы – любовники. У нас с тобой больше нет ничего общего, а наша близость мне давно неприятна.

Петя застыл, побелел... Ей показалось, что он теряет сознание. Но он только вышел в ванную, там долго умывался, кашлял, сморкался, возможно, плакал... Вышел и сказал:

– Убирайся из моего дома. Мразь ты и шлюха.

Она сжалась от ужаса: никогда еще муж так грубо не оскорблял ее. И каким-то непостижимым образом вдруг пришло облегчение: до него наконец дошло. Он понял даже то, что они не могут больше находиться рядом ни минуты. Вот что значит сила факта и склонность Пети к точным наукам.

Даша взглянула в окно: там была уже глубокая ночь, шел дождь. На часах почти полночь. Ей было тяжело, больно и страшно, но она точно знала: надо бежать, иначе вся монотонность их общего плена лишит ее дыхания и надежды на спасение. Это первый и, возможно, единственный шанс. Схватила плащ, сумку и вылетела из квартиры, которая, к слову, была им куплена ее родителями.

Она пробежала под ливнем так далеко от дома, сколько смогла без передышки. Остановилась и осмотрелась, чтоб знать, что Петя не помчался ее догонять и точно уже не увидит из окна. Так. А теперь один вопрос: куда ехать. Родители уже три года живут в Париже, где папе предложили работу. Московскую квартиру продали, чтобы там устроиться. Собственно, ответ на вопрос куда, один – к Тамаре, конечно. Только к ней Даша может явиться в любое время суток, уверенная в том, что ей будут рады. Только Томе не нужно ничего объяснять и не потому, что это трудно, а в силу ее способности все сразу правильно понять. И что уникальнее всего: Тамаре дано прочувствовать суть случившегося, причины и степень боли травмированной души. И главное: Тамара всегда одна. Ее принцип существования: каждый человек имеет право защищать свое уединение любыми способами, и никто не обязан терпеть против своего желания другого носителя таких прав.

Тамара – дочь папы Даши от первого брака. Она – произведение двух совершенно разных и сильных индивидуальностей. Мать – грузинская художница и композитор. Папа – ученый в четвертом поколении, известный в мире математик. Они когда-то встретились, остановились, ошеломленные яркостью друг друга, стремительно поженились и в таком же темпе расстались, не смирившись с тяжестью инородного таланта на собственном поле. Но свою первую дочку папа очень любит и настоял, чтобы она переехала в Москву, к нему поближе. Тома на пятнадцать лет старше Даши. А умнее, наверное, на века, как считает Даша с пяти лет, когда их впервые познакомили. У Тома невероятное лицо – сильное и выразительное, как на грузинских портретах ее мамы, черные прямые волосы, она всегда одета в черные платья или черный брючный костюм.

Многие, если не все, считают Тамару жестким и нелюдимым человеком. И только близкие знают ее чудесную душу – преданную, благородную и самоотверженную.

Даша набрала номер сестры, та почему-то долго не отвечала, а потом красивый грудной голос Тамары произнес:

– Что-то случилось, дорогая? Почему ты так поздно не спишь?

– Я на улице, Тома. – Даша старалась изо всех сил не заплакать от облегчения, что сестра ответила. – Я убежала от Пети и больше туда не вернусь.

– Понятно. Я не удивлена и даже рада, Даринка. И страшно корю себя за то, что не сообразила дать тебе второй ключ от моей квартиры. Я в Калининграде в командировке, девочка. Давай спокойно подумаем: ты можешь еще кому-то позвонить?

– Конечно, Тома. Я просто не решила кому. Не думала об этом. Я всегда думаю только о тебе. Но я найду, ты только не беспокойся.

– Хорошо. Позвони, пожалуйста, когда найдешь.

Даша долго просматривала список контактов. Людей столько, что, наверное, можно было бы ими заселить небольшой необитаемый остров. И все, кажется, хорошо к ней относятся. Бывшие одноклассники и сокурсники. Служивцы по холдингу, новые интересные знакомые, которых встретила во время работы: интервью, репортажи. С некоторыми возникло что-то похожее на дружбу, некоторые откровенно демонстрируют Даше симпатию, они будут рады помочь... Но! Сейчас уже ночь, у людей семьи. Кто поймет такую блажь – сбежала от мужа и просится на ночевку.

На букве «В» Даша задержалась. Несколько раз просмотрела контакт ВН – Владислав Нестеров – и прокручивала дальше. Именно это нет, ни в коем случае!

Даша и Влад встречаются уже почти год. Она влетела в этот буйный пожар без тормозов и раздумий, она даже не сможет вспомнить подробности того подлунного полета. В голове, во всем теле только постоянное томление и ожидание того, о чем раньше не догадывалась, без чего умудрилась прожить без малого двадцать шесть лет. И вдруг очнулась и пошла на звук ласкового, мягкого и требовательного баритона. Ощутила в совершенно чужом человеке то родное тепло, без которого, как сразу почувствовала, ее человеческая и женская суть просто

самовоспламенится, как сухая трава, и останется горстью пепла на остывающих комьях земли. Но все это время Даша помнила и о муже, и о родителях, о собственном долге и обещаниях. Она бы остановилась любой ценой... Если бы заметила хоть каплю фальши в том, что говорил и делал Влад. Если бы почувствовала в его поступках опыт и повадки бывалого соблазнителя, привыкшего к постоянным и многочисленным победам. Она была очень внимательной. И поверила в то, что Владислав полюбил по-настоящему, даже в то, что такое случилось впервые в его жизни, несмотря на достаточное количество коротких романов. Он говорил о них с иронией, как о чем-то легком, обычном и даже скучном.

– Ты не представляешь, как другие женщины отличаются от тебя, – сказал Влад однажды.

– В чем? – уточнила Даша. – Я не понимаю.

– Во всем, – ответил он. – Абсолютно во всем. Никогда не думал, что встречу такую.

Владиславу сорок четыре года, у него есть жена и тринадцатилетний сын.

...Даша взглянула на время в телефоне: час ночи. Она вообще-то может позвонить любому контакту и просто сказать, что попала в беду, не может попасть домой, да что угодно... Назвать любую техническую причину. Такое бывает с тысячами людей. И никто не станет особенно расспрашивать и, конечно, пригласит к себе... Но тут вспомнила!

– Ты можешь позвонить мне всегда, в любое время дня и ночи, – сказал ей однажды Влад. – Если не смогу говорить, скажу: «Вы ошиблись номером» – и положу трубку. Но я обязательно перезвоню. Это будет через минуты. Не забывай об этом.

Он знал о ее сложных отношениях с Петей. А Даша все сказанное Владом уже воспринимала как откровение и высшую мудрость, не меньше.

Она нажала вызов. Он быстро ответил. Даша подождала немного слов: «Вы ошиблись номером». Но Влад просто сказал:

– Даша, я дома, один. Жена и сын поехали к ее родителям, у тестя юбилей. Примерно дней на десять, может, больше. Прошло четыре дня. Лови такси и запомни адрес.

И мрачный свет тяжелого, невыносимого дня вдруг ярко вспыхнул молнией надежды, во всем появились смысл и значение. Даша полетела в свою самую сверкающую ночь. До нее они встречались в квартирах друзей Влада – на час, два, три... Проваливались в блаженство, выбирались в униженном опасении быть застуканными женами или детьми очередного друга.

Через пару часов Даша стояла в своем тонком плаще под ливнем, в незнакомом дворе, дрожала и думала о том же: куда бежать, к кому стучаться, к каким чертям бросить свое несчастное, опозоренное, растоптанное тело, какой отравой залить свой скулящий мозг, чтобы он перестал тикать. Боль, потрясение были несравнимы с тем, что она испытала, убежав из дома. Тогда был ужас перед собственной решимостью и временной неизвестностью, но не было сомнения в том, что все правильно, что это перемена. Сейчас – страшная тяжесть отверженности, участи постылой жертвы предательства, которую, перед тем как выгнать из приюта ее радости, извляли в смоле презрения с перьями насмешки. «Ты не проводишь девушку домой? Если у нее есть дом», – спросила жена Влада, его хозяйка с беспощадным лицом надзирательницы над нелепым красным платьем, которое окрашивало всю сцену разоблачения в цвет ее безусловной победы.

И Влад не произнес ни слова, не шевельнулся. Он не сделал и шага, чтобы хотя бы открыть Даше дверь. Она сама неумело открывала эту чужую дверь. И он знал, что Даше некуда идти.

Владислав не мог лучше и спокойнее продемонстрировать свою позицию: он остается в своем доме, со своей законной женой. И только одна из двух женщин имеет право лечь с ним в постель, чтобы в благополучном тепле проспаться остаток ночи, встретить общее утро, вместе позавтракать в проверенном и защищенном супружестве.

Обида была острой, пронзительной. Даше казалось, что она никогда уже не сможет легко вздохнуть. И меньше всего она думала о Валерии, жене Влада. Да, она показалась ей отталки-

вающей, жестокой, но, в конце концов, она была в своем праве. Это не ей Влад так пылко и красиво признавался в любви каждый божий день. Не она решила Дашу приютить в эту ненастную ночь. Возненавидела ли Даша Влада? Конечно нет. Как может возникнуть ненависть к человеку, близости которого жаждет все ее существо, которого она выбрала из всех как самого красивого, умного, блестящего, теплого, понимающего и родного... Но она, наверное, уже не сможет назвать свою привязанность любовью. Даша даже сейчас уверена, что они с Владом не смогут перестать встречаться, что их встреча – роковая. Это не отменить, не забыть, от этого не убежать. Но это больше не сулит безоблачного счастья и отсутствия страданий. Растоптано главное – доверие.

В ту ночь Даша испытала самое сильное чувство за всю свою жизнь. Оно оказалось сильнее даже роковой влюбленности. То была жажда расплаты. Когда-то и как-то Влад должен испытать такую же боль.

Даша уже бежала по пустой улице, как будто ей в спину дул горячий ветер ада. Только подальше от этого проклятого дома. Остановилась, когда все вокруг уже освещало утро. Дальше нельзя. Появятся люди, они не должны ее увидеть такой – жалкой, несчастной, изгнанной. Надо срочно спрятаться, отсидеться, пока не вернутся силы жить, смотреть и говорить.

Даша даже подумала о том, чтобы позвонить Мих-Миху. Он точно в любом положении что-то придумает. На улице не оставит. Но тогда придется ему рассказать о романе с Владом. Мих-Мих и Влад давно и хорошо знакомы. Даша может убеждать кого угодно в том, что Мих-Мих привязан к ней платонически, как опекун по призванию. Но ей, как и всем, понятно, что это не так. Ему очень не понравится такая информация. Конечно, есть вариант – ничего не объяснять, но это как минимум нечестно и непорядочно. Он, разумеется, все узнает в конторе, в которой, как в большой деревне, быстрее всего разлетаются сплетни. С какой стати причинять боль человеку, который всегда готов понять и помочь. Нет, лучше забиться в чужой подъезд, как бездомная бродяжка.

Даша в очередной раз пролиставала контакты. Теперь все сложнее. В середине ночи еще возможны достоверные объяснения: многие люди попадают в неприятности по ночам. Но утром... Как-то придется осветить события ночи. Правду не произнести даже под пытками. А придумывать сюжет обмана и после этого воспользоваться чьей-то помощью – совсем постыдно и подло. Даша вдруг без раздумий выбрала один контакт – Антон Казимирович Ковальский, ответственный секретарь из редакции холдинга. Это не самый приятный, но самый верный вариант. Только ему можно ничего не объяснять.

Убитое утро

Антон Ковальский не спал в эту ночь. Он вообще очень мало спал по ночам. Те были временем его вдохновения. Никакого казенно-принудительного порядка. Никаких обязанностей, которые невозможно отменить или перенести. Никакого общения с так называемым коллективом, который всегда и везде за очень малочисленными исключениями является стадом тупых, иногда еще и злобных существ, лишенных даже индивидуальности. Антон – коллекционер раритетов. Это не только уникальные вещи, предметы искусства. Это и вкусы, запахи, несомненные признаки человеческого таланта, обаяния, свет настоящей красоты. Ковальский с презрением отвернется от тысячи человек, отказав им в капле своего внимания, и признает гением практиканта, написавшего несколько по-настоящему сильных строк.

Антон постоянно нуждается в женщинах в силу темперамента, но близкие отношения с ними для него – система и порядок использования необходимых вещей. Разве что попадет раритет, какого он еще не встречал.

Антон и весь мир использовал: вся его жизнеспособность была целенаправленной. Ковальский заставлял мир подчиниться ему, стать комфортным для выбранного способа суще-

ствования, способным доставлять радость или хотя бы удовлетворение. Это не отменяло и не смягчало его глубокого презрения и ненависти к миру за то, что какие-то создатели возненавидели его самого с самого младенчества. Антон – физически сильный человек, с развитыми, натренированными красивыми руками, ногами. У него властное, выразительное лицо, выдающийся ум, неутомимая способность к просвещению, разнообразные дарования. Но он горбун с детства. В самом ужасном и откровенном варианте увечья. И судьба была так жестока, что забросила его с беспомощной матерью в глухую сибирскую деревню, откуда женщина так и не сумела добраться до какой-то медицины, чтобы спасти своего сына от такой беды.

Антон выбрался сам, когда был уже взрослым. Тот путь никогда не вспоминает. Только образно: брел пехом и ехал на перекладных, как Ломоносов, полз на брюхе, разрывая кожу и плоть до сердца, прикидывался глухим, слепым и мертвым, чтобы спастись от человеческой агрессии. Но он донес главное до островков цивилизации – нестигаемую волю и силу разума.

Началась Москва и Литинститут, а там нашлись люди, которые его оценили. Сейчас Антон занимает серьезный пост, он один из самых авторитетных людей в профессии. У него большая комфортабельная квартира, два прекрасных автомобиля и личный водитель. И ему принадлежат все ночи его особой, полной, многоцветной жизни, в которой он по-настоящему реализует себя. Он не просто коллекционирует раритеты и любит ими. Они – его собеседники, кормильцы, поильцы. Они – свидетели его вдохновения и ценители результатов. Антон и сам неплохо рисует, хотя никогда и никому не показывал своих работ. Сам себе эксперт: это не шедевры, но в них есть особый смысл и нерв, какие не часто увидишь и в шедеврах. Он играет на своем антикварном рояле. Техника слабая, конечно, практики никакой. Научился, потому что иногда в его мозгу звучат мелодии, которые он ни разу раньше не слышал. Обычно это связано с пережитым волнением, неосознанным ожиданием или внезапным моментом тайного торжества, никому больше не заметного.

Антон Ковальский пьет лучшее в мире вино, ест особо изысканные блюда из тех, которые ему доставляет по звонку итальянский шеф-повар небольшого частного московского ресторана – не для всех, не для богатых и не для чиновников с их проститутками. Это ресторан для ценителей и любителей. Его владелец Никита Соколов – один из очень немногих друзей Антона. Главное в нем – ненавязчивость, культура беседы, основанная на уважении к необычному мнению за гранью всех банальностей, и тонкий отзвук понимания, даже благодарности в ответ на искренность. Соколов тоже учился в Литинституте, но выбрал то, что считал настоящим призванием.

– Я не Пушкин и никогда не стану Буниным. Давно понял, что так мне не дано, а хуже не хочется. Я вообще хочу украшать жизнь другим способом. Люблю есть и кормить людей, – коротко говорит Никита, когда к нему пробиваются репортеры. – Как-нибудь выберу время и напишу книгу об этом, чтоб оправдать образование. Пока набираю материал, и он, кстати, не столько гастрономический, сколько психологический.

Каждое блюдо, приготовленное его поваром Марио, имеет свой смысл и свою мелодию, – считает Антон.

В ту ночь он после чудесного ужина записал собственную мелодию, которая не первый месяц звучит в мозгу так часто, как никогда раньше. Поработал над аккордами, записал, послушал отстраненно, со стороны. Это очень неплохо. Опять же: не шедевр ни разу, но кому-то могло бы понравиться. Только никто не уловит того, что слышит сам Антон. Этот слабый и нежный стон одного сердца, сосланного в чужое тело. Плач красоты, которую никто не видит. Потому Антон никому и не даст послушать эту мелодию, хотя она ему нравится больше прежних. Никто не поверил бы, что у этого композитора есть сердце, тем более такое. Значит, это не тот композитор.

Антон посмотрел в темное, залитое осенними слезами окно. Вот он главный миг ночи. Он увидел отражение человека, каким он должен был прийти в этот мир – статного, красивого и непобедимого. Этого достаточно для скромного торжества.

Антон нажал вызов контакта по имени Галя.

– Приезжай.

– Буду через сорок минут, – ответила женщина. – Я в Москве у подруги.

На часах начало второго ночи. У Гали никогда не бывает сонного голоса. Антон давно определил для себя место и миссию Гали в пестрой толпе обычных людей. Это рабочая лошадка. И в таком определении нет ничего оскорбительного. Лошадь – трогательное, живописное и преданное животное.

Галина была высокой брюнеткой с узким, худошавым лицом и темными, пристально наблюдающими и напряженно ожидающими глазами. Она постоянно ждала знака, приказа, призыва – нужно сделать то, это, десятое и сотое. Нужно бежать, мчаться, срочно исполнить. Нужно обслужить. У нее даже ноздри трепещут от усердия, как у бегущей лошади.

Галина Николаева – лучшая секретарша Ковальского. Не только на этом месте работы. Она в принципе лучший секретарь, какого он встречал в жизни. Она, несомненно, достойна того, чтобы продолжить служебные отношения и доказать ему, что она и в личном, интимном плане – лучший секретарь. Ну не партнерша же, не подруга и, конечно, не любовница. Ее задача – обслужить его потребности по свистку и при этом не оставить ощущения чего-то грязного и пошлого. Разумеется, это платная работа – не очень мало, чтобы не обидеть ее и не лишить энтузиазма, и совсем не много, потому что много это не стоит, и она должна такое понимать.

Антон заглянул в холодильник, чтобы проверить, есть ли еще пирожные и мороженое, которые он заказывал специально для Галины. Он сам терпеть не мог сладкое. Все есть: чизкейк и наполеон. Из мороженого она больше всего любит «Мадагаскарскую ваниль» и «Соленую карамель». Антон задумался. А почему, собственно, для него имеет значение, что она любит больше всего на десерт? Она бы молча съела все, что дадут. Не прокралась ли в эти чисто деловые отношения коварная человеческая привязанность? Конечно нет. Это просто невозможно. Они работают вместе больше восьми лет, а он знает о Николаевой только то, что ей сейчас сорок лет. Понятия не имеет и никогда не спрашивал, почему она живет одна в какой-то конуре в Подмосковье, почему вечно голодная при вполне приличной зарплате и его регулярных выплатах за особые услуги. Это совершенно не его проблемы, ему даже противно об этом думать. Пусть приходит из ниоткуда и туда же уходит в точно отведенные часы и минуты. Но одну постыдную тайну Галины Антон, конечно, давно открыл и рассмотрел. Он очень надеется, что об этом больше никто в офисе не узнает. Если что-то заметят, он сумеет ее прикрыть. Но, возможно, именно эта маленькая уродливая тайна будит в нем что-то похожее на жалость и сочувствие. А от таких эмоций до привязанности, пусть самой крохотной, – рукой подать. Или даже до условного родства. У каждого свое увечье. И не всякий горб заметен со стороны.

В дверь позвонили. Галя озабоченно сняла мокрую куртку и аккуратно стряхнула ее за порогом квартиры. Она была в той же одежде, что и на работе: серый свитер и черные джинсы. Она приходила на работу в этом и вчера, и три дня назад. Перед серым свитером был голубой. Галина постоянно куда-то перемещается по вечерам и ночам – на метро, автобусах и электричках. Только по делам, с документами, материалами Ковальский отправляет ее на служебных машинах, а в особо важных случаях на своем авто с водителем Степаном. При этом Галя всегда умудряется выглядеть чистоплотной и аккуратной. Антон не находит в своем секретаре, очень личном по ночам, ничего особо привлекательного ни с эстетической, ни с мужской точки зрения. Но это для него второй вопрос. Первый и главный состоит в том, что он без секунды колебания выставлял за дверь женщин куда более эффектных и ухоженных, чем Галя, за глупую и неуместную фразу, дурацкий смешок, отвратительную гримасу или самый слабый запах пота. Галя была для Антона олицетворением необходимости, уместности и приемлемо-

сти именно для него одного. Такое сочетание можно больше не встретить, он это понимает и ценит. Галя, конечно, не знает, что он уже присмотрел небольшую, недорогую, но удобную квартиру неподалеку. Это для нее. Для неутомимой и безотказной рабочей лошадки, которая заслужила право на свой уголок в стороне от безумного переплетения дорог, по которым она мчится без остановки, без усталости и, похоже, без смысла, лишь по инерции. Потому что никто еще ей не приказал: отдохни.

Антон проводил до двери Галину ровно через час. Это никогда не бывает ни на минуту дольше.

Он был спокоен и задумчив. Пора расставаться со своей тихой, никому не видимой и такой полной ночью. Она дала ему все, что он хотел. Хорошо бы еще приманить к себе сон на пару часов. А дальше – утро, которое надо встретить во всеоружии защищенности и готовности к нападению. Утро – самый преданный враг. Утро – всегда угроза, вероятность катастрофы. Утро Антона – это до сих пор, с несчастного детства калеки – тайная, никем и ничем так и не убитая надежда на то, что сбудется смутное желание, для которого он даже не ищет слов. Что-то, чего ни одна ночь ему не дала, как бы он ни убеждал себя в обратном. Если бы Ковальский пользовался самыми банальными штампами, он назвал бы это надеждой на чудо. Но он презирает штампы. А банальности, в том числе и чудеса, шарахаются от него как от чумы.

Уже заглядывал в окна рассвет, уже Антон благодарил улетающую, ласковую ночь за то, что его постоянно взвинченный разум окутывает нежное покрывало сна... И тут зазвонил телефон.

– Антон Казимирович? – проговорил знакомый женский голос, как будто по его телефону мог ответить кто-то другой. – Это говорит Даша Смирнова. Даже не знаю, как объяснить свой звонок в такое время. Просто... Короче, только вы сейчас и пришли мне на ум. В общем, я немного в беде и не знаю, что делать.

– Мне кажется, что ты на улице?

– Нет, не кажется.

– Тогда не нужно больше ничего говорить. Останови такси и приезжай. Адрес сброшу, встречу у подъезда. С таксистом расплачусь.

– Да у меня есть деньги... Вроде. Даже не знаю, как...

– Как благодарить? Вот этого категорически не надо ни сейчас, ни потом. А то не приму. Шутка. Выхожу через пятнадцать минут и жду.

– Но я могу не очень быстро. Даже не совсем понимаю, где я.

– Это не важно. Я жду. Перезвони только в том случае, если мне лучше приехать за тобой. Скажу сразу: тут нет никаких проблем. Я практически не сплю по ночам. А ты еще успеешь отдохнуть перед работой.

Даша вышла из такси минут через сорок. Антон подошел к машине, расплатился с водителем. Постарался ободряюще улыбнуться девушке, которую даже качнуло от ветра, усталости и пережитого потрясения. Даша не ответила на улыбку. Только посмотрела затравленно и горестно трагическими глазами, как будто они встретились на месте ее казни. Он вышел ее спасти, а она не решила, хочет ли спастись.

В квартире Даша сняла насквозь промокший плащ, и они оба увидели, что ее серые брюки и синяя водолазка тоже мокрые, хоть выжимай.

– Забавно, – произнес Антон, – ты как будто в плывь сюда добиралась. А на улице сильный ветер, так и до пневмонии недалеко. Делаем так: я сейчас налью горячую ванну, добавлю туда хорошие вещи – расслабляющую пену, целебную соль. Повешу чистые полотенца и банный халат: он мой, но только из прачечной. Ты там грейся, оттаивай, а я пока что-то поставлю на стол. На улице мне показалось, что ты упадешь от слабости, усталости и какой-то тяжести.

Антон достал бутылку своего лучшего красного вина, блюдо с ломтиками копченого лобстера и вазу с кубиками фруктов и ягодами: ананас, арбуз, дыня, клубника и вишня. Марио самое простое блюдо доводит до внешнего совершенства.

Даша вышла из ванной в большом пушистом белом халате. По-прежнему удрученная, но личико порозовело, волосы вымыты. Села за стол, посмотрела, попыталась улыбнуться:

– Прямо восторг какой-то. Но я вряд ли смогу что-то проглотить.

– Не сможешь, – никто тебя не станет заставлять. А вот вина выпей. Это то, что доктор прописал.

Даша медленно выпила бокал бордового лучистого напитка с удивительным вкусом и запахом. Замерла на время, ощущая, как победное, мягкое и ласковое тепло пытается не только растопить обледеневшее сердце, но и расплавить острые иглы в нем. То были орудия чужой ненависти, презрения и дикой враждебности. Все попадало точно в цель и вновь бросало Дашу в ее жалкую унижительную беспомощность, с которой ей жить теперь всегда. Но дышать стало явно легче, и Даша кивнула, когда Антон налил ей еще вина в бокал. Получилось даже съесть всего по кусочку, похвалить.

– Я приготовил тебе постель в комнате для гостей. Даже грелку положил, – сказал Антон. – В тумбочке рядом с кроватью есть легкие успокоительные препараты. Посмотри, может, захочешь выпить. Работу не проспшишь, я разбужу. Но есть и вариант – остаться спать сколько получится, а потом приехать. Я могу сказать Юлии, что ты мне позвонила. Причину придумаем.

– Она не поймет, почему вам, Антон Казимирович... И нет, я поеду к десяти.

– Даша, тебе сейчас, в моем халате, не трудно будет перейти на «ты» и «просто Антон»?

Даша подумала, как ученица на уроке, и серьезно ответила:

– Антон – не трудно. А вот «ты»... Наверное, не получится.

– Ничего страшного. Так было бы проще общаться, но, конечно, без усилия. Может, со временем.

– Может... Антон, я думаю, нужно объяснить... А то как-то дико получается: нагрелась среди ночи, мылась, ела, пила, а в чем дело, не сказала.

– Мне это не нужно совершенно. Речь о твоей личной жизни, твоих проблемах. Разве что я смогу помочь... Я бы, наверное, смог, если бы ты приняла помощь. Не исключаю, что тебе станет легче уже от того, что ты чем-то поделишься.

– Да, поделюсь, – торопливо согласилась Даша. – Я ушла от мужа. Ушла плохо, после жестокой ссоры. Побродила под ливнем по городу, куда-то забрела. Вдруг стало так страшно и одиноко, что показалось: умру, если не выберусь на какую-то сушу. Вам позвонила не потому, что вы живете один. Просто вы человек, которому можно доверить вот это... То, что сейчас осталось от моей жизни. Не стану уточнять, ладно?

– Разумеется. Может, пройдем в библиотеку и ты выберешь какую-то книгу, чтобы немного отвлечься?

– Да, попробую. Только вряд ли получится. Я, кажется, ослепла этой ночью.

Антон внимательно посмотрел на нее. Последнюю фразу она точно сказала искренне. Все остальная история, конечно, вранье. С мужем, может, и поссорилась. Но было это гораздо раньше, и не могла она забрести пешком от дома туда, где оказалась. Ковальский видел в деле ее домашний адрес. Беда приключилась уже потом, когда она оказалась в очень удаленном от своего дома районе. Антон, расплачиваясь, спросил у таксиста, где он ее подобрал.

Антон внимательно наблюдает за новой сотрудницей уже больше года. Сначала насмешливо смотрел, как Мих-Мих водил по кабинетам руководства свою очередную подопечную сыкуху прямо из универа, без дня опыта. Потом удовольствия ради проследил за взглядами мужчин-сотрудников: у этих козлов, кажется, слюна капает не только изо рта, но из глаз тоже. Сам на подопечную Мих-Миха даже не взглянул. У них с Евдокимовым не могут совпадать

вкусы: того интересуют лишь две характеристики – возраст и пол. Только в их холдинг он привел не меньше десяти протезе разной внешности и с разным уровнем отсутствия способностей. Наиболее везучие и сообразительные уже удачно вышли замуж и стали домохозяйками или «светскими львицами». Впрочем, одно исключение все же случилось. Юлия Виноградова, заведующая отделом культуры, набралась опыта и стала одним из самых профессиональных журналистов. Она здесь работает лет тринадцать и, что называется, проросла в дело и коллектив. В Виноградовой есть что-то маниакальное, потому и вцепилась корнями слишком глубоко, увязла до краев существования. В ее облике появилось что-то трагическое и грозное. И, как всем теперь известно, причина у нее есть. Еще какая.

По части женской привлекательности на вкус Ковальского Юля – на большого любителя. Мих-Мих сейчас ей едва кивает при встрече. Но Дашу попросил устроить именно к Юлии. Похоже, его заботят и рабочие успехи нового объекта внимания. У Виноградовой есть чему поучиться. Если хватает извинин. Но это вряд ли.

А через неделю Ковальский получил первый материал Даши Смирновой, прочитал и вызвал ее в кабинет. У него было несколько конкретных замечаний, они имели главным образом воспитательный смысл: новый сотрудник должен считать его мнение самым авторитетным и решающим. Но это во-вторых. Во-первых, новенькая не просто способная, это сильный, уверенный автор. Это уже интересно.

Она вошла, он взглянул... И все замечания вылетели из головы. Она же красавица, эта Даша. Это очевидно в тревожной степени. Такая женщина может быть только опасностью. Для окружающих и для себя. Он вскоре убедился, что прав. А тогда, в кабинете, только и сказал:

– Отличный текст. Очень хорошо – есть мысль, вывод и эмоциональность без соплей. Я хотел кое-что поправить, но не стал. Решил не вторгаться в границы еще незнакомой мне индивидуальности. Но подумаю о серьезной теме для тебя.

Так что Даша – далеко не наивная дурочка, которая станет переживать как великую трагедию ссору с мужем. И это тоже вранье, хотя ссора наверняка была. Антон видел ее Петю, когда тот однажды приехал за женой. Как говорится, обычный парень. А если точнее, выглядит как лакей номер пять при королеве. Да еще и характер, похоже, хреновый. Они прошли мимо: муж что-то раздраженно бубнил под нос и выглядел надутым.

Даша повернулась, показала две книжки:

– Это не читала. Возьму на всякий случай. Пусть полежат рядом. Читать, конечно, не смогу. Я названия просматривала по нескольку раз, чтобы понять слова. Обычные и короткие слова. Нужно срочно поспать, а то Юля меня прикончит: у меня лежит направленный и невычитанный материал автора, который идет в номер.

Ее руки под широкими рукавами халата казались тонкими, слабыми и почти детскими. Из выреза была видна полной и прекрасной формы грудь. Нервы Ковальского напряглись до предела, какого он не испытывал никогда. И они взорвались в ослепительный миг. Весь мир погас, а в последнем ярком луче осталась лишь женщина – надежда. Та самая, которая давала себя знать лишь слабым просветом и шепотом тьмы всю жизнь, с изувеченного младенчества. Та самая, сладко терзавшая его в последние месяцы мелодия, которая родилась только этой ночью. Та невыразимая потребность в совершенстве, из которой и родилась его жизнеспособность. Вера в то, что это сбудется где-то и когда-то. Только она и возвышала его презрение к примитивному и уродливому миру, не давала превратиться в увечного и злобного изгоя, отвергаемого самой жизнью.

Антон сам не заметил, как оказался рядом с Дашей. И он ничего не говорил, он только слышал свой голос, который вырвался из взорвавшейся груди.

– Ты даже не представляешь сама, какая ты прелесть, какое счастье и блаженство... Я хочу тебя, как зверь...

Тут-то свет и умер. Они вдвоем убили его. Остались только стены постылого холостяцкого жилища и вспышка страха в чудесных глазах нежной и хрупкой женщины, которая сжалась как от смертельной опасности. А он даже не дотронулся до нее.

– Боже, – произнес Антон после мучительной паузы. – Я, кажется, испугал тебя как кретин. Просто выпил больше, чем обычно. Перед твоим звонком от меня ушла моя подруга. Мы с ней немного увлеклись. Иди спать, девочка. Я разбужу тебя в половине десятого. Я и сам уже начинаю видеть сны.

Даша в своей комнате накрылась одеялом с головой. Какая чудовищная ночь. Сначала ее топили в горящей смоле. Потом она умудрилась так страшно ранить единственного человека, который попытался ее спасти. Она все прочитала в глазах Антона. Он понял ее идиотский испуг как отвращение. На самом деле она просто не ожидала очередного потрясения. Испугалась самого факта, что возникла еще одна тяжелая ситуация, для которой нет никаких сил. Она бы маму родную сейчас не смогла обнять и не нашла бы нужных слов. А сложный, пронизательный и такой гордый Ковальский никогда не примет объяснений и, конечно, не простит. Не забудет, что показал ей свою слабость.

Ковальский не пошел в свою спальню: там его удобная кровать уже превратилась в ложе пыток. Он пометался немного по квартире, затем закрылся в самом дальнем от комнаты гостей помещении – гардеробной. Там, среди стеллажей и вешалок с одеждой он опустился на пол.

Там до созревшего утра жалобно скулил изувеченный малыш. Там свирепо, грозно и отчаянно рычал и ревел на пределе боли смертельно раненный лев.

К моменту приезда водителя Антон был собран, спокоен, как всегда, только бледнее, чем обычно. Перед выходом он набрал номер Даши и сразу отключился. Вслед послал сообщение: «Если проснулась, можешь собираться на работу. Если хочешь спать, делай это. Я все решу. Еда в холодильнике, деньги на такси у зеркала в прихожей. Спасибо за компанию, царица ночи».

Глава 2

В паутине дня

День – это неотвратимая суета. Она часто раздражающая, иногда оскорбляющая личность, чья суть – творчество. Творчество мысли, озарений. Творчество борьбы и покоя. Творчество ненависти, презрения и любви. Но только суета – пропуск на поле под названием «деятельность». Только суета дает возможность примкнуть к толпе, которая пытается что-то общее создать, чтобы уничтожить, иногда вместе с собой. За суету платят, и это бывает унижительнее, чем нищета.

Суета – это прекрасно. Она сама по себе способна стать содержанием бытия и спасением от всего, что ею не является.

Антон Ковальский без особых усилий создал для себя систему, в которой он – активный участник любой рабочей ситуации и он же – рефери с правом осудить или оправдать. Его позиция объективна, безупречна и потому недостижима для критики или недовольства.

Этим утром ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы выбраться из машины у офиса и пройти в свой кабинет. До последней минуты его соблазняла мысль – придумать какое-то важное дело и уехать в глухой угол типа той хибары в Подмоскowie, которую он умудрился когда-то купить на свой первый гонорар и сохранил за собой до сих пор как раритет стойка. Есть заманчивые варианты душевного спасения и бегства, такие совершенные в своей простоте. Вместе с желтыми листьями в интернет залетела именно такая завершенная идея:

«Осень, в небе тучки,
Солнца по чуть-чуть.
Хочется на ручки,
Водки и уснуть. —
@Дворник дядя Федор».

Все гениальное просто, все обыденное, поверхностное норовит выпить твои силы и завязать нервы узлом. Но Антон, конечно, вовремя вошел в свой кабинет. Первые звонки, первые бумаги, первое короткое совещание дня... Были даже моменты, когда он на ходу успевал подумать, что паутина суеты бывает сотканной из канатов спасения.

...В дверь, как всегда робко, заглянула Галя.

– Антон Казимирович, можно? Я не по работе. У меня другое.

– Это горит?

– В общем, да.

– Заходи.

Галя села по обыкновению на краешек стула рядом с его столом:

– Антон, ты в курсе, что Валя Полунина из критики уходит в отпуск?

– Да, конечно. И?

– Они с мужем куда-то едут. А у них есть сиамская кошечка. Такая красавица Нора. Я ее видела, когда Валя только купила ее и принесла на работу в переноске.

– Галя, зачем ты мне все это рассказываешь?

– Сейчас объясню. Мне сказали, что Валя ищет человека, который бы пожил с Норой. Я прошу тебя – поговори с ней, порекомендуй меня.

– А почему нельзя предложить ей это напрямую?

– Но она же меня не знает толком. Мы даже по работе редко встречаемся. Мне неудобно напрашиваться. Ты – другое дело, ты руководитель и знаешь меня как никто. Антон, мне бы очень хотелось.

– А почему, можно уточнить?

– Мне хочется быть полезной нашим людям и за пределами работы. Я люблю животных, уборку, уход и всякое такое. И квартира Полуниных недалеко от офиса.

– Так дело в этом? В том, чтобы ближе добираться до работы?

– В каком-то смысле. Но это не главное. Я на самом деле хочу сделать добро и себе, и людям.

– Ладно. Я никогда не посредничаю в нерабочих отношениях и, по правде говоря, меня напрягает эта роль. Но ты права: мне это ничего не стоит, и я буду рад помочь тебе. Делать добро, как ты выразилась. Надеюсь, получится.

Антон отвел взгляд, в котором Галя могла бы прочесть сомнение. Оно было связано с маленькой уродливой тайной Галины. Но ведь ничего не предугадаешь в принципе, независимо от того, выполнит он эту просьбу или нет.

Заведующая отделом критики Валентина Полунина была полной добродушной блондинкой с ямочками на щеках. Ее облик меньше всего ассоциировался со словом «критика». Впрочем, и материалы, которые она сдавала в большом количестве, чаще всего носили комплиментарный характер, реже нейтральный. Критику Валя, видимо, оставляла в уме. Ковальский был уверен, что пышные похвалы Полуниной очень часто небескорыстны, и благодарность объекта имеет материальное выражение. Но это, скорее всего, даже не корысти ради. Муж Валентины – не последний бизнесмен, люди они состоятельные. Просто Валя создала свою систему деятельности: в ней все довольны, радуют друг друга и никто не в обиде. Как выразилась Галя, «добро и себе, и людям».

Живут Полунины в центре, в элитной квартире. И если их кошка на самом деле такая красавица, как говорила Галя, то это все вполне может стать очень сильным желанием одной загнанной, обездоленной и усталой женщины. Пожить в таком раю и в приятной компании недели две. Хоть столько... Валентина обычно берет отпуск на две недели.

Антон коротко изложил предложение Галины, Валентина удивилась и обрадовалась.

– Ну, прямо с души камень, Антон. Спасибо. Только почему она сама не пришла?

– Стесняется. Говорит, ты ее не знаешь.

– Близо нет, конечно. Но я вижу, какая это скромная и работящая женщина. И она же у тебя, наверное, сто лет работает. Ты бы не стал держать так долго ненадежного человека.

– Чуть меньше ста, – уточнил Антон. – Рад, что помог. Старался главным образом ради Норы.

– Так в том-то и дело! – воскликнула Валентина. – Для нас это мука – оставить ее не с тем человеком. К примеру, с моей племянницей, которая тут же притащит в квартиру бойфренда и, может, не одного. Для Норы – такой стресс. Она привыкла с нами спать, есть и обо всем разговаривать.

– Думаешь, она согласится с тем, что Галине придется каждый день ходить на работу?

– Да! – на полном серьезе воскликнула Валя. – Я ей давно объяснила: мама и папа должны ходить на работу, чтобы приносить тебе вкусняшки. Она сразу поняла.

Антон вошел в свою приемную и сразу наткнулся на страстно ожидающий взгляд Галины. «Что ж ее так разбирает», – с раздражением подумал он. Но вслух сказал:

– Все в порядке. Зайди к Валентине, договоритесь.

У Юлии

Время было уже обеденное. Обычно Антон просил Галю принести ему кофе с бутербродом из их кафетерия. Но в этот раз вышел из кабинета и сказал:

– Мне сегодня ничего не нужно. Не хочется. Зайду к Юле, она уже неделю рекламирует свою кофеварку. Скорее всего, и там бурда, но сейчас у Юли уже полно гостей, заодно и пообщаюсь, чтобы отдельно не вызывать.

– О да! – рассмеялась Галя. – Я проходила мимо: туда все идут косяком и не с пустыми руками. Так что там не только кофе.

– Вот именно, – заключил Антон.

Но в кабинет Виноградовой он пошел не сразу. Сначала поднялся на лифте на последний этаж их высотки и вышел на огромную панорамную лоджию, откуда видна едва ли не вся Москва. Здесь никогда никого не бывает, и Антон выбрал место, где разрешал себе подымить. У него слабые легкие. Антон курит очень редко, но сигареты всегда при нем – для такого случая, когда есть необходимость окутать и омыть крепким, терпким дымом все то, что не удастся рассмотреть даже при ярком свете. А потом достать главное уже лишенным шелухи и рассмотреть проясненным внутренним взглядом.

Ковальский с утра оттягивает это решение – войти в кабинет Виноградовой, где, видимо, уже сидит Даша. В противном случае Юля уже разыскивала бы ее со свойственным ей энтузиазмом. Смирнова же должна сдать материал, а ее начальница с первого дня их сотрудничества ищет повод к ней привязаться. Когда Дашу только приняли на работу, Виноградова согласилась, чтобы новенькую посадили в ее огромный, надо заметить, кабинет, хотела немного приглядеться и сработаться. А потом, когда Даше было бы удобнее работать одной, Юля не захотела с ней расставаться. Объяснила это постоянной необходимостью быстро решать рабочие проблемы и подменять друг друга.

Антон сначала удивился, но затем, как ему казалось, разобрался в мотивах Виноградовой. Она неглупый, проницательный и крайне самолюбивый человек, заслуженно считается сильным сотрудником. Плюс женская интуиция. Она, конечно, раньше других рассмотрела то, что с опозданием увидел сам Ковальский. Дарья Смирнова – не просто реальный конкурент для Юлии в профессии. Она ей крайне опасна как женщина. У Юлии много ярких достоинств, но красота не относится к их числу, что не мешает ей быть заметной, выделяющейся из ряда и эффектной. Даша – воплощение красоты, женственности и обворожительной недооценки себя. Дело, видимо, в воспитании, отсутствии опыта и слишком хорошем отношении к окружающим, от которых она наверняка привыкла видеть и ждать только искренность и доброту.

Рабочий кабинет Виноградовой давно уже стал салоном «У Юлии», куда в каждую свободную минуту стекаются все, кому хочется поболтать ни о чем и обо всем, проявить себя компанейским человеком, выпить кофе не на ходу и не в одиночестве, иногда и не только кофе. Юля сумела стать огоньком, приманкой и авторитетом. Ковальскому даже казалось, что она влюбилась в этот дружеский, творческий союз с одержимостью человека, который прожил значительную часть жизни со страшным дефицитом внимания и одобрения других людей. Она никогда не торопилась уйти с работы, засиживалась допоздна, утром приезжала первой. Да, конечно, Ковальский с высот своей недоступности, самоизоляции и отторжения любых необязательных контактов с окружающими так бы и считал Юлию врожденной фанаткой компаний... Если бы не заметил случайно и вдруг один ее взгляд, одно выражение и сжатые в сильном волнении крупные костистые руки. Было это несколько лет назад. В кабинете шумная, веселая компания, Юля громко говорит, хохочет, довольно удачно шутит... И тут в кабинет заходит Владислав Нестеров, задает ей какой-то рабочий вопрос, а она как будто даже не в состоянии понять, о чем речь. В ее выпуклых глазах орехового цвета горит нестерпимый свет.

Антон вообще раньше не встречал такого взгляда – в нем были отчаянная, животная жадность, униженный призыв... А эти руки как будто сейчас вцепятся в человека, который спокойно стоит перед ней. Тогда Ковальскому и стал наконец ясен главный мотив Юлии. Весь этот балаган в кабинете, ее лидерство, все, что она говорит и делает, – всего лишь попытки задержать рядом с собой одного Нестерова, заинтересовать, увлечь, привязать. Конечно, остальным это уже было прекрасно известно. Все оказалось секретом Полишинеля – то, что Юля бешено влюблена в Нестерова, а он не всегда ее отталкивает. Другими словами – иногда использует. И, как многим «точно» известно, жутко боится, что это станет известно не столько жене, сколько тестю, который продвигает его по карьере и обеспечивает комфорт его семье.

Кто знает, сколько еще лет продолжалась бы эта вялая и не слишком романтическая «история любви», если можно так выразиться, если бы не появилась Даша.

– Боже мой, – наконец рассмотрел главное Ковальский. – Только такой надменный индюк, как я, мог не заметить перемены и в Юлии, и в Нестерове после появления Даши. В этот последний год Виноградова стала истеричной, постоянно взвинченной, она даже выглядит больной. Влад озабоченный, рассеянный, то возбужденный, то удрученный. Нестерова сегодня, кстати, до сих пор нет на работе.

Вдруг яркими кадрами возникли в памяти случайно сохраненные и вроде забытые эпизоды. Как-то после работы Антон обнаружил, что лифт не работает, и пошел вниз с пятого этажа по лестнице. Он увидел, что на расстоянии перед ним спускается Даша в фиолетовом пальто, на капюшоне белая опушка. Выглядит сказочной принцессой. А перед ней идет Нестеров. Даже издали Антон разглядел, что Влад сильно пьян. Вдруг Нестеров остановился, посмотрел снизу на Дашу и произнес каким-то хамским и в то же время жалким тоном:

– Какая красивая мордаха... Давай я тебя подвезу.

– Я не готова к такого рода самоубийству, – холодно ответила Даша, продолжая спускаться.

Влад стоял на ее пути, она его обошла, похоже, с брезгливостью. Влад тогда даже не заметил, как Ковальский прошел рядом. Он застыл у стены с выражением муки на лице. Тогда Антон решил, что он просто перепил. Теперь понимает, насколько все сложнее. Даша больше не обходит его с брезгливостью. Он смотрит на нее то ласково, как отец на ребенка, то преданно, как собака, то напряженно, как нищий, ждущий милостыню. А она... Даша всегда очень сдержанна на людях, спокойна, со всеми ровна. Но вот сейчас Антон увидел один ее взгляд: она смотрела на Влада... Только осел мог сразу не понять, что между ними что-то есть. Что-то совсем серьезное. То есть плохое для всех. И почти безумный взгляд Виноградовой, когда она смотрит на этих двоих.

Самое невероятное, что в это время Антон уже постоянно думал о Даше. И его самого тревожило только это постоянство, которое временами казалось самому маниакальностью и заразой, как инфекция. Такое нужно было скрывать.

И вот теперь перед ним задачка, как из учебника по арифметике для младших классов. Даша ночью убегает от мужа, потом оказывается в дальнем районе, одна, на улице, под дождем, и ей не к кому стукнуться, кроме человека, которого она знает только по работе и может быть уверена, что он ни по одному личному поводу не в курсе. Потому что этот человек, как правило, не желает быть в курсе. Не царское это дело. И да, только сейчас Антон понимает, что таксист подобрал Дашу недалеко от домашнего адреса Нестерова.

И к теме. Мих-Мих по-прежнему часто сюда приезжает, откровенно общается только с Дашей, а с другими говорит о ней, слушает мнения, читает ее материалы. Иногда увозит ее с работы. В такие моменты Виноградова громко и натушно хохочет и крайне неудачно шутит. Нестеров иногда смотрит им вслед. Даша неизменно радуется своему опекуну, но нет ощущения чего-то неявного, скрываемого. Ковальский даже не сомневается, что тут Мих-Миху

нечего ловить, а Даша никогда не согласится с тем, что Мих-Мих не самый честный и чистый опекун.

Кажется, более четкой схемы быть не может. Остался пустяк – сделать не так много шагов и узнать, что случилось этой ночью. Виноградова что-то наверняка знает или догадывается. А на ее стадии истеричности мало что удастся держать при себе.

Все как обычно. В салоне Юлии люди сразу становятся раскованными, излишне открытыми, чувствуют себя свободными, интересными миру. И тут всегда демократия. Сотрудники, которые обычно бывают напряженными, ждущими неприятного поворота беседы, когда приходят в кабинет Ковальского по делу и по одному, во время вольных встреч у Юлии могут едва кивнуть руководителю, который в любой компании не очень ко двору, или и вовсе не заметить его. Сегодня Антона очень устраивает именно последнее. В центре комнаты, конечно, Юлия. Она особо взвинчена (каждый раз кажется, что это предел для здорового человека, но вскоре станет ясно, что это не так). На ее высоких, острых скулах – яркий румянец, как два отблеска пламени на очень бледном лице. Она быстро говорит, обращается ко всем сразу, требуя внимания. Но всем тут давно понятно, что люди тянутся сюда уже не к ней, а ради Даши. Не просто люди. Тут всегда только мужчины.

Даша сидит за своим столом. Она никогда не участвует в общем оживленном контакте. Сейчас напряженно смотрит на свой монитор и пытается работать, явно из последних сил. Выглядит она плохо: усталая, удрученная, подавленная, с темными тенями под глазами и запекшимися губами, как во время высокой температуры. Возможно, простудилась ночью.

Вокруг нее суетится по своему обыкновению фотограф Виктор. Он постоянно снимает ее во всех ракурсах и в любой ситуации.

– Отстань от меня, Витя, – вдруг произносит она, в голосе уже звенят слезы. – Ты что, не видишь, что мне плохо?! Я даже не накрашенная и не помню, чтобы причесывалась. Я прошу в третий раз... Ну почему ничего не доходит...

К ним медленно, лениво и мягко, походкой разбуженного тигра подходит очень крупный человек с ярким породистым лицом – правильные черты, большие карие глаза, полные красные губы, которые открывают в улыбке опасные зубы хищника.

– Витя, братан, – произносит он барственным тоном. – Ты начинаешь меня удивлять и напрягать. Почему ты такой нечуткий и недалновидный? Тебе непонятно, что девушка плохо себя чувствует и пытается работать в то время, как ты ее осаждаешь? Скажи мне, Витя, тебе это не понятно?

– Да я... Коля, Даша обычно не возражает, когда я ее снимаю. Ну не могу я пропустить хороший кадр. Но если мешаю... Я просто не заметил, что ей плохо. – Виктор старается говорить легко и непринужденно, но видно, что он занервничал.

– А не пойти ли тебе сейчас подальше от тех мест, в которые я мог бы тебя сейчас отправить, – не меняя интонации барственного баса, произносит Коля. – Или все же проводить?

Виктор краснеет и быстро выходит из кабинета, где воцарилась тишина.

«Интересная публика подобралась у нас, – подумал Антон. – Где еще такие соберутся».

Виктор Погудин – один из самых талантливых людей в своей профессии. Николай Бородянский – неплохой профессиональный аналитик спорта. И еще Бородянский не так давно вышел по УДО. Он сидел по статье «Убийство по неосторожности». Разные вещи рассказывают об этой «неосторожности». Но Коля – племянник ключевого министра. И потому не остался вне профессиональной деятельности, отсидев меньше половины срока. Его представил коллективу сам генеральный директор холдинга Илья Константинович Плотников. Произнес даже трогательный спич о «трагедии, от которой никто не застрахован и которая не должна разрушить судьбу талантливого профессионала». Все внимательно посмотрели на «трагическую» жертву злой судьбы, которая с интересом разглядывала новых коллег очень наглыми

глазами, и сделали свои выводы по поводу слов «никто не застрахован». В смысле: надо держаться подальше от этого подарка и не будить зверя, в смысле зэка-убийцу.

Только Антон во время беседы о круге обязанностей нового сотрудника посмел уточнить:

– Так «по неосторожности»?

– Как на духу, гражданин начальник, – рассмеялся Бородянский. – В чем и раскаялся со всем пылом благородной души. Гуманист я на самом деле, что вы, конечно, поняли как умный человек.

...Когда за Виктором закрылась дверь, Бородянский склонился над Дашей, покровительственно накрыл своей огромной ладонью ее руку и даже нежно поцеловал в макушку. Даша вздрогнула и отшатнулась от него с явным отвращением. Какая жалость: у этой без конца осаждаемой девушки все сразу на лице. Николай отстранился и даже улыбнулся, но не только Антон заметил откровенную злобу в его ярких глазах. Он подошел к столу с бутербродами, кофе и бутылкой вина, налил себе бокал, выпил залпом и картинно раскланялся:

– Век бы с вами не расставался, но труба зовет, други мои. Ухожу с надеждой быстро вернуться. Всем хорошего вечера. Не болей, Дашуня.

Ответом ему был коллективный вздох облегчения.

Антон смотрел только на Дашу. Ей было настолько плохо, что она уже явно ничего не читала и не писала. Она, кажется, просто держалась за стол, чтобы не упасть со стула. Ей же, наверное, по-прежнему некуда идти, – в ужасе думал Антон. Насколько было бы проще, если бы не его идиотский порыв. Она бы наверняка согласилась, чтобы он отвез ее к себе. Сам мог бы переночевать хоть в гостинице, чтоб не мешать ей отдохнуть.

– Антон, – заметила его наконец Юлия. – Тут у нас такой бедлам, что я даже не сразу тебя заметила. Налить тебе кофе?

– Нет, спасибо. Или налей, попробую, что у тебя получается. Но я на минуту, хотел спросить, может, кто-то в курсе: где сегодня Нестеров? Кабинет закрыт, я его сегодня вообще не видел.

– Ты не в курсе?! – почти взвизгнула Юлия. – Ну ты один у нас такой. Влад с утра приехал, а потом его куда-то вызвали. Приехал часа через три с каким-то приятелем, оба поддатые... В общем, у него сегодня большой облом. Его сказочная командировка в Швейцарию на год по каким-то каналам накрылась медным тазом. Отбой. А он уже билет заказал, все было в ажуре. Ты что, не слышал и про командировку?

– Слышал, но забыл и не знал когда. Так он сейчас должен был ехать?

– Ну да! – воскликнула Юлия. – Все отменили прямо сегодня утром. Его поставили перед фактом!

Было не совсем ясно: Юлия сочувствует товарищу или откровенно радуется его неудаче. Ковальский не сомневался, что второе. Она же так всегда старалась не отпускать его от себя.

Антон пил кофе, поданный ему Юлей, и слушал версии по поводу случившегося с Владом. Все разговоры перекрыл громогласный вывод Юлии:

– Да кончайте вы ерунду городить. Ни при чем тут все объективные обстоятельства, перемены в планах. Просто тот, кто Владу устраивает такие командировки, все и отменил. Тесть это его. Дрессирует он зятя, как бобика. Кнут и пряник. Крутой папаша у Валерии, обманутой дуры. Что-то, видно, пронюхал и с легкостью перекрыл Владу дыхание. Тот сегодня совсем никакой. Поехал напиваться с горя, конечно. Совсем не умеет проигрывать наш гениальный Владик. Ему нужны только победы.

Все старательно отводили взгляды от Юлии. Это было уже не подобие истерики, а она самая в клиническом варианте. Юлия жутко смеялась, а в глазах блестели яростные слезы.

«Она знает, что произошло ночью. Вот почему жена Валерия – «обманутая дура», а не потому что у Влада что-то было с Юлей», – понял Антон. Он получил то, за чем пришел.

Даша поднялась со стула, взяла сумку и нетвердо направилась к двери, временами держась за стены.

– Спасибо большое, Юля, – произнес Антон, как будто ничего не смешалось в этом гостеприимном месте. – Кофе, конечно, бурда, но горячий. Принесу тебе рецепт от шеф-повара высочайшего класса. Дело никогда не бывает в качестве и стоимости кофеварки, дело всегда в руках и чутье человека. Надеюсь, через полчаса все вернутся к работе.

Он вышел в коридор в тот момент, когда Даше позвонили. Она ответила, прислонившись к стене.

– Тома! Ты?! Это правда? Я не могу поверить такому счастью. Ты правда уже прилетела? Я пока в офисе, но я спускаюсь вниз. Буду ждать тебя у подъезда... Томочка... Ты едешь сюда? Через десять минут? – Даша заплакала вслух, по-детски. – Я боялась умереть без тебя...

Даша разъединилась, повернулась и улыбнулась сквозь слезы Антону.

– Извините, не заметила вас сразу. Это моя сестра прилетела из командировки. Она там все бросила из-за моего ночного звонка. Сейчас заедет за мной. Я так благодарна вам обоим. Нет даже сил сказать как.

– Я тоже благодарен твоей сестре, – спокойно ответил Антон. – Так ей и скажи. Мой дом – ваш дом. Если понадобится, я всегда могу переночевать или пожить в другом месте. Есть у меня смешная хибара там, где нет людей и, стало быть, бед. И мой совет: пусть сестра вызовет врача: ты совсем больная. В любом случае завтра не вздумай приходить на работу.

– Тома сама все умеет. Она фармацевт, – наконец улыбнулась Даша. – И я побежала, а то зареву опять. Пока, Антон.

Крепость Тамары

Какие-то часы Даша плавала в теплом и нежном озере блаженства. Тяжелые, острые, невыносимо болезненные мысли как будто растаяли в тревожных и родных глазах Тома, в горячей воде ее ванны, вкусных запахах с кухни. Перестало стонать и заходиться в беззвучном плаче сердце, покрытое провалами колото-резаных ран, которые, конечно, никто не залечит. Просто самый родной и самый надежный на земле человек подарил ей передышку от атак разъедающей душу и тело ядовитой смеси, которая и есть, по всему, воздух жизни и перемены судьбы.

Даша лежала в чистой, уютной и мягкой постели, одетая в пушистую, смешную и такую домашнюю пижаму. Тома купила три таких, отличающихся цветом и забавными аппликациями, специально для нее. Наверное, они детские, но никакая другая одежда не казалась Даше настолько удобной, уместной, милой и созданной именно для нее. Это редкое везение, когда стены твоей невидимой одиночки, твоей камеры изошренных пыток разрушает близкий человек, уверенный в своем главном рецепте спасения. Тамара умеет вытаскивать Дашу из тоски, горечи и смятения. Она погружает ее в невесомое облако детской безмятежности. Боже, как когда-то купалась маленькая Даша в обожании, восхищении, любви. Ни за что: просто потому, что родилась у своих людей, которые именно ее и ждали. Просто потому, что они посадили ее, как редкий цветок, в центр своей вселенной. Они все, наверное, упустили из виду, что когда-то придет настоящее взросление, жизнь по суровым правилам войны миров, и сама любовь поменяет свои нежные и светлые очертания. Они не предупредили свою девочку-цветок о том, что, кроме их любви, ей придется встретиться с любовью других людей. Совсем других. И сама суть любви станет другой. Она утратит доброту и понимание. Она вдруг повернется жестоким, беспощадным лицом и испепелит взглядом палача. Потому что она больше не призыв родной души, она лишь оружие в руках обладателя. И ты узнаешь, что любовь к тебе – это чья-то реализованная возможность и потребность требовать, мучить и предавать. Что твой ответ больше никто не слышит, что само твое существование для кого-то только источник боли или сладости

твоей казни. Это все так страшно, что Даша больше всего хочет, чтобы не наступил завтрашний день. Ее безжалостно вытолкнули из него.

– Даринка, – заглянула в спальню Тамара. – Не спишь? Это хорошо. Я не стала давать тебе успокоительное, может, выпьешь только на ночь. А пока постарайся просто отдохнуть, посмотри какое-то хорошее или, наоборот, плохое и глупое кино. Меня иногда развлекает именно глупое. Мне нужно выскочить на полчаса в магазин: купить приправы для лобио, горький шоколад для тирамису, хорошие фрукты. Кое-что уже готовится в духовке. Не буду торопиться с ужином, хочу, чтобы ты проголодалась. Телефон со мной. Понадоблюсь – тут же прилечу. Да, если тебе разрешили завтра не выходить на работу, я тоже не пойду. Я же еще считаю в командировке. Может, только выскочу по коротким делам. И не думай пока ни о чем. Мы все решим.

Когда Тамара вернулась, Даша смотрела какой-то фильм на большом настенном мониторе. Тамара только заглянула в дверь ее комнаты и быстро ушла в кухню. Перевела там дыхание и строго сказала самой себе: только не сходить с ума. Быть спокойной и уверенной и не ждать, что сестра начнет откровенничать, делиться чем-то очень личным, рассказывать о пережитом стрессе, страдании, о скрытых ото всех причинах и неожиданно тяжелых последствиях. Они обе для этого всего слишком сложные и ранимые люди, знают высокую цену вопроса и опасность ответа. И еще ненадежность, коварство слов, когда все сказанное – вроде так и совершенно не так. Да, пока только отдышаться. Потом будет видно.

Тамара выпила залпом стакан холодной воды. Она бежала с сумками из магазина как на пожар. Вдруг влетела в голову мысль, что Даша без нее может опять впасть в отчаяние и куда-то убежать, как делают раненные звери и смертельно напуганные дети... Они бегут не только от кого-то, их гонит собственный страх. Но Даша дома. Она спокойно смотрит кино и даже немного порозовела.

Тома готовила свои блюда, как к особому приему и на выставку. Накрывала обеденный стол в кухне, мыла и чистила фрукты. Поставила бутылку красного грузинского вина, открыла: пусть вино подышит... Незаметно пролетели часа два. Она вошла к Даше. Та уже выключила монитор, лежала неподвижно и напряженно смотрела в темное окно за ажурной шторой, как будто рассматривала там только ей видимые тени, лица, переплетения дорог.

Тома присела рядом:

– Ты о чем-то задумалась...

Это был не вопрос, а констатация.

– Да, – сразу ответила Даша. – Я думала о кино. «Кое-что о Пэм».

– Ты смотрела этот сериал? Странный выбор в данных обстоятельствах.

– Да нет, не странный. Он прямолинейный. Я видела этот фильм, как только он вышел. Смотрела с мукой, почти физической болью и не могла бросить. Сюжет, как ты знаешь, по реальным событиям. История жуткая, но сценарий максимально облегченный, закадровый комментарий даже ироничный, режиссура отличная, главная исполнительница Рене Зеллвегер – невероятная. Вот в ней-то и дело. Она сыграла беспросветное чудовище, абсолютное зло. Я не могла вынести зрелища такого победного нашествия зла, шлейфа раздавленных жертв, в том числе кровавых убийств самых незащитных и близких убийце людей. Я была сама раздавлена и точно знала, что никогда больше не стану пересматривать этот сериал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.